

Семья благоверной — отец, мать и семнадцатилетний брат-оболтус жили в пригороде, в зеленом частном секторе. Моя Алена — офицерская дочка, ее родители вышли на пенсию сразу после окончания конфликта в Забайкалье. Насколько я помнил — это было пятнадцать лет назад, тогда резко сократили численность армии РК, воевать больше было не с кем. Щедрые отступные позволили предкам Алены обзавестись «американским» двухэтажным домом с гаражом и садом, а военная пенсия — вести безбедную жизнь.

Общение наше протекало с небольшим напрягом, я предпочитал свести его к минимуму. Родители хотели Алене другую партию, я не подходил под их критерии. И хотя за два года нашей совместной жизни они вроде бы смирились с выбором дочери, что-то такое все равно проскальзывало. Короче, своим я не стал, да и не пытался особо, честно говоря.

Встретили нас, как это заведено, накрытым столом и сразу начали потчевать блюдами русской и татарской кухни, под сорокоградусную и коньяк. Иного я не ожидал — голодным отсюда еще никто не уходил.

— Олежа, попробуй вот этого...

— Теть Люб, я же лопну, — попробовал я было протестовать, но мама Алена решительно пресекла все поползновения:

— Не лопнешь! Алена, почему мужа совсем не кормишь? Вон он у тебя какой худенький!

Ничего себе худенький. Да я за последние три месяца семь кило прибавил с этой Сферой. Забросил спортзал, куда раньше ходили по утрам с женой — после ночных баталий нужно было отсыпаться.

— Мам, у тебя все худенькие! — справедливо заметила Алена.

— Корм-то, видать, не в коня! — хмыкнул в усы Виктор Сергеевич.

Папаша моей благоверной — бывший офицер-армеец, суровый вояка. Из тех, кто не хватают с неба звезд, и на пенсию выходят, получив чин майора. Они конечно, соль земли и становая кость наших вооруженных сил, но, черт побери, как же трудно порой с ними общаться простому гражданскому человеку. Всю свою сознательную жизнь Виктор Сергеич командовал несчастными солдатами батальонов связи и материально-технического обеспечения. Он настолько свыкся со своей ролью, что и дома никому спуска не давал.

Его солдатская резкость и желание гнуть все под себя благополучно перешли вместе со своим хозяином на гражданку. Немного пообщавшись с ним, я начал понимать, почему Аленка сбежала ко мне под венец почти не думая. Я бы тоже на ее месте сбежал. Правда, говорят, девочки выбирают себе мужчину похожего на отца. В моем случае это не сработало: я и Виктор Сергеич были абсолютными противоположностями. Как-то мы с ним сразу друг другу не понравились.

— Ну, рассказывайте, как у вас дела? Как живете?

— Да все хорошо, мам.

— Не говори с набитым ртом! Олег, а ты сейчас чем занимаешься?

— Да все тем же, у меня небольшой бизнес в Интернете.

— В Интернете! — не скрывая насмешки, усмехнулся Виктор Сергеич. — Баловство это все!

— Да ладно тебе, Витя. Ты просто старой закалки у меня... Сейчас же все так зарабатывают.

— Все? Да ты, мать, за всех не говори!

Виктор Сергеич крикнул, выражая свое неодобрение. Поднял бутылку, наливая в стопки янтарную жидкость (я привез подаренный админами Сферы элитный коньяк), но я решительно накрыл свою стопку ладонью.

— А за руль?

— Ничего, у нас останетесь! Я баню уже затопил, давай без разговоров!

— Куда отдыхать поедете в этом году? Вы же обычно в мае-июне ездите? — интересовалась Любовь Михайловна. Глядя на сердобольную тещу, легко можно было представить, какой станет моя Аленка в шестьдесят: дочь явно пошла в мать.

На лицо Алены набежала легкая тень: мама задела больное место.

— Мы хотели в круиз. Северный Союз — Новый Лондон. Но ничего не получилось, у Олега на работе проблемы...

Тетя Люба всплеснула руками, неожиданно улыбнулась:

— Так это же хорошо! Может, вы с нами поедете? Отцу на праздники подарили четыре билета на «Звезду»! На неделю, с абонементом! Правда, вылет послезавтра, там даты выбирать было нельзя.

— На «Звезду»? Хочу-хочу! — захлопала в ладошки Алена. Она обернулась ко мне, глаза загорелись:

— Олежа, мы ведь поедem, да?

«Звезда» — космический отель, висящий над землей на низкой орбите. Не супермодный «Нова-Космо», побюджетнее, но тоже ничего. Искусственная гравитация, номера с обзорным видом на Землю, оборудованные мощными телескопами, весь спектр развлечений для космического туризма: плавание в парящем водяном шаре, экскурсии в открытом космосе, спорт в условиях невесомости. Все побывавшие прямо-таки пищат от восторга.

И я бы с удовольствием отправился туда, пусть и в компании тестя и тещи. Но — абсолютно не время. Сфера и ее проблемы прочно вошли в мою жизнь. Мне нужно дать ответ Магистру, закончить дела с рекламщиками корпорации, сдать экзамен в основной состав Дозоров и наконец, начать что-то зарабатывать. И все эти дела не ждут. Я не могу просто так бросить все и уехать на неделю, это смешает все планы и выбьет из колеи.

Уговоры продолжились и за столом, перешли в баню, а ночью Алена применила весь арсенал женских приемов, включая запрещенные, чтобы сломать мою непреклонность. Положив голову мне на грудь, она тихо шептала:

— Понимаешь, они ведь без нас никуда не поедут. Не решатся. А это, может быть, их единственный шанс побывать в космосе. Олежа, ну пожалуйста...

В общем, пришлось идти на компромисс: отпустить ее с родителями. Вариант устроил всех — и

ее, она побывает на космическом отеле, будет чем блеснуть перед подружками, и меня — жена под присмотром родителей, в ограниченном пространстве. Самому тоже хотелось, конечно, поплавать в невесомости моя давняя мечта, да и виды Земли с орбиты завораживают, но все требует жертв. На том и порешили.

На следующий день, отдыхая после обильных возлияний на качелях и жаря шашлыки, они радостно обсуждали планы. Четвертым решено было взять Руслана — младшего брата Алены, чему он откровенно не был рад. Парень предвкушал, что он останется один на неделю в доме, но я его так жестоко подставил. Теперь он косился на меня волком.

Вылетать нужно было уже завтра.

* * *

Сбор вещей, прощание, дорога в аэропорт. Рейс в Нью-Токио улетал в семь вечера. Посадив их на самолет, я провожал взглядом серебристый лайнер, пока он не исчез с темнеющего небосвода. Ну что, домой? Меня ждет Сфера!

Когда я подъезжал к дому, совсем стемнело. У самого поворота в наш жилой комплекс от обочины вильнул, подрезав меня, какой-то черный седан, от номеров до крыши весь заляпанный грязью. Я едва не въехал ему в зад, выругался, пару раз нажал клаксон. Хватает же дураков на дорогах!

Черный седан — теперь я видел, что это «хурикейн», некоторое время ехал впереди, а потом остановился и включил аварийку — прямиком в арке, ведущей в мой двор. Сзади меня подперла еще одна машина, слепящий свет фар отражался в зеркалах.

— Пипец, люди совсем офонарели! — выругался я. Несколько раз нажал на сигнал, но «хурикайн» не реагировал, тупо стоял впереди, мигая аварийкой. Сломался, что ли? Да ну, вряд ли.

Как же меня бесят такие шакалы, встающие где попало. Надо припарковаться — найди место, залезь на бордюр, дай возможность другим проехать. Чертыхнувшись еще раз, я вылез из машины — сказать идиоту простым русским языком, что дорогу нужно освободить.

Стекло «хурика» опустилось, выдохнув облачко табачного дыма. Оттуда выглянуло круглое лицо в бейсболке, заросшее недельной щетиной. На пассажирском сиденье рядом сидел еще один парень, белобрысый и длинный, косящийся то на меня, то на экран своего наручного коммика.

Не особенно стесняясь в выражениях, я попросил освободить проезд.

Бородатый осклабился, кинул взгляд на соседа. Тот кивнул, посмотрев на зеленый сигнал, загоревшийся на дисплее коммуникатора.

— Он. Голос точно его. — сказал белобрысый.